

Отец

глава из книги «Земледельцы»
(посвящена Скоропанову Степану Гордеевичу*)

Отец принадлежал к числу людей, которые всегда выделяются из общей массы, обращают на себя внимание в любой среде: от его фигуры исходило ощущение значительности, незаурядности, одухотворенности. Общаясь с ним, каждый понимал, что имеет дело с крупной личностью, настоящим европейцем – и по широте кругозора, блестящей эрудиции, и по культуре поведения, всегда корректного, интеллигентного, и даже по стилю одежды, имевшему отпечаток состоятельности и хорошего вкуса. Во всем его облике было нечто аристократическое, как будто он был выходцем из старинного дворянского рода, получившего по наследству высокую культуру, благородство манер, чувство человеческого достоинства. Это тем более поразительно, что «корни» отца – крестьянские, его родители – люди, не умевшие читать и писать, а брат и сестра с трудом одолели четыре класса сельской школы. Степан Гордеевич – человек, создавший сам себя благодаря природному уму и одаренности, редкостной восприимчивости, неустанной работе над собой, которая не прекращалась никогда.

Своими интеллектуальными способностями отец выделялся среди сверстников с детства. Не случайно из 1-го класса начальной школы он был переведен сразу в 3-й, так как за год освоил программу двух классов (обучение разновозрастных групп велось в одном помещении). Обладая великолепной памятью, отец до старости помнил наизусть многие стихотворения, которые учил в школе, и нет-нет да и цитировал их. В основном это была русская поэтическая классика: Пушкин, Лермонтов, Некрасов, Суриков, а также произведения Купалы и Коласа. Соединение русского и белорусского культурных компонентов было для сознания отца естественным. Ведь Гомельская губерния, откуда он родом, до революции входила в состав России, первые семь лет его жизни по официальному статусу были российскими. Но и тогда, и позже местный менталитет был двойственным, как это нередко бывает в пограничных зонах. Даже национальность отца в разных документах означена по-разному: в одних – «русский», в других – «белорус». Сам он считал себя в такой же степени русским, в какой и белорусом. Не отсюда ли истоки его толерантности, а в зрелые годы – самые широкие научные и человеческие связи с литовскими, латышскими, эстонскими, украинскими, польскими, чешскими, немецкими (всех не перечислишь) коллегами? Более того, у отца была повышенная тяга к контакту с людьми разных наций, разных стран, удовлетворявшая потребность в познании мира, расширении кругозора, наращивании эрудиции. Он побывал в 30 странах мира: большинстве стран Европы и Японии.

И всегда неустанно учился, перенимал чужой опыт в надежде определенным образом использовать его на родине, в собственной работе. Наиболее уверенно он чувствовал себя в Швейцарии, Германии, Австрии, так как знал немецкий язык. Понимал отец и польскую речь. Отрицательных отзывов ни об одной из стран, которую он посетил, слышать не приходилось.

Главным импульсом, определившим судьбу отца, была жажда познания, которая не имела предела. Она и привела его в 1931 г. в стены Горецкой сельскохозяйственной академии (тогда – Белорусского сельскохозяйственного института), а в дальнейшем – в науку. Несмотря на то что приходилось и учиться, и зарабатывать на жизнь, энергии хватало на все. Когда этого потребовали обстоятельства, за год отец сдал экзамены за два курса сразу, и все блестяще. Много, по его словам, давало общение с работавшими в академии учеными, с некоторыми из которых возникли тесные неформальные отношения. Способный, увлеченный наукой студент бывал у них дома, никогда не отказывался помочь в проводимых опытах и в результате постигал свою специальность

* Скоропанов Степан Гордеевич (7 ноября 1910 г. – 11 июня 1999 г.) – учёный в области земледелия и мелиорации. Академик Национальной академии наук Беларуси (1961), академик Академии сельскохозяйственных наук БССР (1959–1961), академик ВАСХНИЛ (1972), Российской академии сельскохозяйственных наук (1991), Академии аграрных наук Республики Беларусь (1992), иностранный член Академии сельскохозяйственных наук ГДР (1974–1989), доктор сельскохозяйственных наук (1961), профессор (1962). Почетный профессор БСХА (1995). Заслуженный деятель науки БССР (1968). Участник ВОВ. Дядя знаменитого белорусского учёного-экономиста, аграрника – Председателя Президиума НАН Беларуси – Гусакова Владимира Григорьевича. (Источник – Википедия).

глубже и обстоятельнее, нежели то предусматривалось программой. За эти годы он приобрел вкус к научным исследованиям, совершил настоящий рывок в своем развитии. Привыкший делать больше, чем это требовалось от остальных студентов, вечно перегруженный, отец научился ценить каждую минуту, воспитал в себе чувство самодисциплины, которое сохранил навсегда. Сам ритм его жизни всегда был напряженным и динамичным, а работоспособность поразительной. Выходных он не признавал и по вечерам после работы читал и писал, так что его рабочий день был двенадцатичасовым. Им двигала внутренняя потребность отдать всего себя любимому делу. Немаловажным фактором являлась и сила воли, умение довести начатое до конца, какие бы трудности ни возникали.

Уникальный факт отцовской биографии – завершение кандидатской диссертации во время прохождения военной службы, на которую перед самой войной он был досрочно отозван из аспирантуры. Отец сумел добиться разрешения работать над диссертацией по 2 часа после отбоя в каптерке. Несколько месяцев он спал по 4–5 часов в сутки, но от своего не отступился и, получив недельный отпуск, в солдатской форме прибыл **в апреле 1940 г.** в БСХА (Горки Могилевской области) на защиту.

Трудно тогда было предугадать, что научный руководитель диссертанта-солдата – академик И. С. Лупинович – со временем переберется в Минск, и их отношения с отцом перерастут в тесную дружбу. Именно о И. С. Лупиновиче отец вспоминал как о главном своем учителе, которому он в молодости старался подражать во всем, настолько им восхищался. Особенно ему импонировали разносторонняя образованность и интеллигентность Ивана Степановича, аристократизм его манер. Праздники проводили вместе, причем отец ввел в этот круг своего старого друга по Горецкой академии М. Н. Горанского, к тому времени полковника, под влиянием отца вернувшегося, однако, в науку, защитившего диссертацию, занявшегося преподавательской работой. Обоих сближала и фронтовая судьба.

Сам отец вернулся с войны подполковником, тогда как ушел на нее солдатом. С фотографий этих лет

Укладка дренажа системы Бутца на МБОС, 1915 г.

на нас смотрит молодой красавец с пронзительным взглядом и чуть усталым лицом – рослый, стройный, с безукоризненной выправкой.

Наделенный от природы отменным здоровьем, неприхотливый, привыкший к самодисциплине, отец быстро втянулся в армейскую жизнь 367 артиллерийского полка, выдерживал огромные физические и психологические нагрузки. Он обратил на себя внимание умением быстро ориентироваться в обстановке, принимать самостоятельные решения, личным мужеством. Об этом свидетельствуют и полученные им награды: ордена Красного Знамени, Красной Звезды, Отечественной войны I степени, медали «За оборону Москвы», «За оборону Ленинграда», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», благодарности Верховного Главнокомандующего, и стремительное продвижение по службе. Подполковником отец стал в возрасте 34-х лет. В графе II «Участие в боевых действиях, боевых походах и партизанских отрядах» отцовского военного билета числятся Западный, Волховский, 1-й Белорусский фронт.

Привыкнуть к смерти, поджидавшей в любую минуту, косившей людей направо и налево, конечно, было невозможно. И многие годы спустя отец иногда кричал во сне: ему снилось, что он попал в плен. От этого Бог миловал, но ранение и контузия его не обошли. И все же отец считал, что ему везло, часто описывал случай, когда в темноте по ошибке машина, в которой он находился, заехала на вражескую территорию и прорывалась оттуда под огнем: опасность гибели была сверхвероятной, ушли чудом.

Свела отца война и с некоторыми известными военачальниками, из числа которых он выделял Жукова и Хетагурова. **В 1946 г.** Скоропанов был одним из доверенных лиц Жукова, баллотировавшегося в Верховный Совет. А вот столкновение с Мехлисом едва не закончилось для отца расстрелом. Спасла от самоуправства всевышнего временщика, как ни странно, дерзость возмущенного до глубины души человека. Вообще-то отец умел контролировать свои чувства. Его невозможно представить орущим на другого, отвечающим хамством на хамство, как и раскисшим, плачущим в чужую жилетку. Он был сильным человеком, трудности судьбы переживал в самом себе. Ежедневное ожидание смерти выработало у него сознание относительности других несчастий, выпадающих на долю человека, готовность прожить жизнь мужественно.

Первое знакомство отца с Европой: Польшей, Чехословакией, Германией, Австрией оказалось связанным с военными операциями, со всей их неизбежной разрушительностью и драматизмом, но и ощущением приближающейся победы. К сломленному врагу ненависти уже не было. Вид поверженного Берлина вызывал не только чувство гордости, но и жалости к голодным, измученным горожанам, отданным на милость победителя. К отцу это имело прямое отношение: хотя война окончилась, еще целый год, **до августа 1946-го**, он должен был провести в составе Группы Советских войск в Германии. Осуществлялась ее демилитаризация, дефашизация. Предпринимались попытки наладить цивилизованные отношения с населением, но взаимное недоверие было сильно.

Часть, в которой находился отец, располагалась под Лейпцигом, в г. Цейце. Квартировал бравый подполков-

**Скоропанов Степан Гордеевич,
1945 г.**

ник, успевший пройти курсы высшего военного политсостава в Москве, у немолодого немца-парикмахера, заняв в доме вместе с охраной второй этаж. Наблюдая голодное существование немецкой семьи, отец, который не курил и почти не пил, начал отдавать хозяину сигареты и спиртное из своего пайка (их можно было использовать не только по назначению, но и обменять на продукты). Подтолкнула к этому и честность немца, для которого стоявшие в коридоре ящики с запасами были неприкосновенны. В благодарность хозяин предложил бесплатно брить и стричь чужеземного офицера. Во время первой процедуры отца не оставляла мысль, что немец может перерезать ему горло.

Так как свободного времени стало больше, а бездельничать отец не привык, по собственной инициативе он начал изучать формы организации сельскохозяйственного производства в Германии. Он объехал немало немецких деревень в окрестностях Цейца, знакомился с новыми для него типами сельскохозяйственных машин, видами удобрений, способами хранения урожая и т. п. Его неожиданный приезд сначала пугал: мужчины прятались, навстречу выходили встревоженные женщины. Но, убедившись, что им ничто не грозит, более того – получив в дар консервы, люди внимали просьбе странного офицера: показывали свое хозяйство, имевшуюся в нем технику, разъясняли, как она действует и т. д., короче – делились своим опытом. Да и сам отец мог блеснуть и знаниями, и различными видами крестьянских работ. Общение, как правило, завершалось совместной трапезой из продуктов, привезенных отцом. Он считал, что предпринятое обследование много дало ему как специалисту, кроме того, позволило быстрее, чем другим, изжить комплекс врага. И в дальнейшем отец самым внимательным образом следил за развитием немецкой сельскохозяйственной науки, часто бывал в ГДР – на фермах и в крупных хозяйствах, имел прочный контакт с учеными-аграриями. Целый ряд почерпнутых здесь новшеств был по его инициативе внедрен в сельскохозяйственное производство Белоруссии.

В Германии же отец увлекся охотой, которой отдал дань и по возвращении на родину. Кроме того, он был великолепным грибником, прекрасно ориентировался в любом лесу.

После войны перед отцом открывалась перспектива блестящей военной карьеры – через несколько лет он уже был бы генералом. Сохранилась фотография, запечатлевшая встречу Сталина с высшим командным составом. Среди присутствующих, правда, в заднем ряду, находится и Скоропанов. Данное приглашение говорило о многом. Поэтому, когда узнали, что отец намерен демобилизоваться и вернуться к своей прежней профессии, по сути, начиная все с нуля, его упорно отговаривали, советовали не делать глупость. Точно так же настойчиво по приезде в Москву, где ждали жена и крошечная дочь, высокоэрудированного боевого офицера приглашали на работу в КГБ. Отказываться было не только трудно, но и небезопасно. И все-таки любовь к главному делу жизни победила. В конце концов «от дурака», «не понимающего своих интересов», отступились. У отца же накопилось немало идей, которые ждали реализации. Однако в Москве он проработал недолго. На предложение помочь восстановлению сельского хозяйства Белоруссии, научные кадры которой к этому времени сильно поределели, Скоропанов без колебания ответил согласием.

Минск 1948 г. еще лежал в руинах, здание Академии наук отстраивали пленные немцы, лагерь которых располагался неподалеку. Обстановка в бывшей зоне оккупации была непростой. Люди прежде всего оценивались по принципу: сотрудничал или не сотрудничал с немцами. В чем выражалось это «сотрудничество» конкретно, часто не принималось во внимание. Процветал репрессивный подход к человеку. В соответствующем духе «компетентные органы» настраивали и отца, когда он стал заместителем директора Института мелиорации и водного хозяйства. Разобравшись в обстановке, Степан Гордеевич убедился в том, что сотрудники института, оказавшиеся в оккупации, – жертвы войны. Они были брошены отступившей армией на произвол судьбы и вынуждены были продолжать осуществлять повседневную научно-исследовательскую работу в создавшихся условиях, чтобы не умереть с голода. Ни один из них уволен не был, хотя отец ставил под удар себя самого.

Вместе с тем, став директором института, Степан Гордеевич повысил уровень требований к научной подготовке и самой научно-исследовательской деятельности сотрудников. Он старался придать работе института новый импульс, вывести его на уровень европейских стандартов. Немаловажное значение придавалось им расширению научных контактов как с ближайшими соседями – Литвой, Польшей, Россией, Украиной, так и с наиболее развитыми странами мира – Германией, США и др. Систематическое изучение зарубежных научных и информационных изданий по различным отраслям сельскохозяйственной науки и производства для самого отца было нормой. Библиотекари подтвердят, что по количеству заказываемой литературы он всегда занимал первое место среди коллег. Чуть позднее к этому добавятся заграничные командировки с научными целями.

Начиная с периода «оттепели», на протяжении ряда лет Скоропанов представлял Белоруссию в ФАО, «квартировавшей» в Женеве. К этому времени он вырос в авторитетного ученого, в центре внимания которого находились проблемы торфяно-болотных почв, мелио-

рации, земледелия. В 1961 г. в Киеве им была защищена докторская диссертация.

Можно сказать, что жил и работал отец «на износ» – по-другому не умел. Забегая вперед, напомним, что его «послужной список» составляет **свыше 600 научных и научно-популярных работ, в числе которых 15 монографий**, написанных лично или в соавторстве*. Интеллектуальный труд чередовался с физическим, что позволяло сохранить хорошую форму.

В 1950 г. Скоропанов избран член-корреспондентом АН БССР, в 1959 г. – академиком Академии сельскохозяйственных наук БССР, **в 1961 г.** – академиком АН БССР, **в 1972 г.** – академиком ВАСХНИЛ. Получают признание труды отца и за границей, о чем свидетельствуют публикации в научных журналах и сборниках разных стран, издание в Израиле на английском языке книги «Освоение и использование торфяно-болотных почв». **В 1974 г.** Академия сельскохозяйственных наук ГДР избрала его своим член-корреспондентом. За научные заслуги отец был награжден медалями Бауэра и Очаповского, которыми его удостоили Берлинская и Варшавская академии.

Помимо научных, у отца были ярко выраженные организаторские способности. На них-то и обратило внимание руководство республики, которое предложило С. Г. Скоропанову **в 1961 г. пост министра сельского хозяйства Белоруссии**. Если от более раннего предложения – стать помощником Н. С. Хрущева по науке – отец отказался, то это принял, так как посчитал, что сможет более успешно содействовать подъему сельского хозяйства в Белоруссии, нежели малокомпетентные функционеры. Отчасти он оказался прав, отчасти просчитался. В том рывке, который сделало сельское хозяйство Белоруссии за 1960-е годы, когда по объемам производимой продукции на душу населения вышло на четвертое место в СССР после Литвы, Латвии, Эстонии и существенно повысилось жизненный уровень белорусов, велика личная заслуга отца. В тесном контакте с Академией сельскохозяйственных наук Министерство сельского хозяйства разработало и начало внедрять в жизнь программу коренного перевооружения сельского хозяйства Белоруссии, которое переводилось на рельсы научно-технического прогресса. Приоритетными направлениями стали механизация и химизация. Урожайность зерновых за десятилетие выросла в 2 раза с лишним, в основном была решена проблема хлеба, молока и других продуктов повседневного спроса, которые перестали быть дефицитом. Люди постепенно стали забывать об очередях, выстраивающихся с ночи. Продвинулось вперед и решение проблемы мяса.

От ряда новаций, навязываемых директивно, приходилось, однако, отбиваться руками и ногами, и не всегда это удавалось. Решающим было слово ЦК КПБ, которое более склонно было считаться с решениями ЦК КПСС, нежели с местными условиями и рекомендациями науки. Пользуясь своим авторитетом, отец неоднократно предостерегал П. М. Машерова, которого уважал и ценил, от всякого рода авантюр, навязываемых Кремлем. Первое время тот, как правило, проявлял понимание и гибкость. Однако «ранний» и «поздний» П. М. Машеров – это два разных человека. Смелости и принципиальности в отношениях с Москвой у него с годами значительно поубавилось – времена либерализации миновали, и чтобы сохранить свой

пост в брежневскую эпоху, нужно было быть послушным. В числе прочего П. М. Машеров начинает осуществлять утвержденную ЦК КПСС широкомасштабную программу «мелиорации» белорусского Полесья.

Против решились выступить только два человека – член-корреспондент АН СССР В. А. Ковда и академик АН БССР С. Г. Скоропанов. Отец доказывал, что на смену экстенсификации должна прийти интенсификация и что осушение и мелиорация – не одно и то же. Мелиорация – это улучшение земли, комплекс мер, поддерживающих сбалансированное состояние природной среды после осушения болот. Система эта весьма дорогостоящая, и программой «мелиорации» она не запланирована. Возлагать же поддержание состояния осушенных территорий в соответствующем режиме на колхозы – нереально: у них нет ни специалистов-мелиораторов, ни необходимых средств. Поэтому следует отказаться от гигантомании, осуществлять мелиорацию в полном смысле слова и в ограниченном объеме.

Добиться своего отцу не удалось. Он ставил вопрос об отставке, но она не была принята.

Негативные экологические последствия псевдомелиорации подтвердили опасения академика. И это не все. Чтобы вывести из-под критики главного виновника – П. М. Машерова, превращенного к этому времени усилиями прессы в отрешенного «отца нации», и стоящего за его спиной Л. И. Брежнева, критика которого была полностью исключена, внимание общественности направили по ложному следу, подкинув журналистам дезинформацию и сделав «козлом отпущения» другого человека – основного противника гигантомании. При полной подконтрольности советской печати подобные материалы вообще не увидели бы света без негласной санкции ЦК.

Близкие люди, коллеги знали правду, но обнародовать ее в тоталитарную эпоху было невозможно.

Иезуитская подлость фальсификации нанесла отцу двойной удар: с ним случился инсульт. Парализовало левую половину тела, отнялась речь. Полгода отец пролежал в больнице, балансируя между жизнью и смертью, обреченный, казалось, быть прикованным к постели. Но могучая сила духа сделала свое дело. Постепенно отец оправлялся от удара, и, наконец, его здоровье полностью восстановилось. Врачи были изумлены.

По-солдатски мужественно переносил отец клевету и негласную опалу. Чтобы менее зависеть от властей, он полностью уходит в науку, предлагая известные реформы и в этой сфере. По его инициативе было создано Западное отделение ВАСХНИЛ, куда вошли Литва, Латвия, Эстония, Белоруссия; отец же являлся академиком-секретарем и членом президиума этого органа. Именно прибалтийская модель рассматривалась им как наиболее перспективная для развития сельского хозяйства Белоруссии, и кое-что действительно удалось внедрить.

Свои идеи – агрономические, мелиоративные, экологические отец все чаще пропагандирует через печать. Он любил яркое, образное слово и обладал умением доходчиво, в раскованной эссеистической форме излагать сложные научные и научно-практические вопросы.

Исследовательский накал также не идет на спад, напротив, отец словно обретает второе дыхание, на протяжении ряда лет он пишет книгу за книгой, публикует многочисленные статьи, редактирует «Известия АН БССР» (серия сельскохозяйственных наук), сборники материалов научных конференций, руководит работами

диссертантов. Кроме того, Скоропанов становится членом секции Комитета по Ленинским и Государственным премиям, председателем Совета по торфу при Президиуме ВАСХНИЛ, членом президиума АН БССР, членом двух специализированных ученых советов, членом ВАКа. Как и всякий истинный ученый, он углубляет и корректирует свои научные представления, разрабатывает новые концепции, соответствующие движению времени. В своих выводах отец опирается на достижения мировой сельскохозяйственной науки – для человеческого духа не существует границ. В частности, он обращает внимание на тенденцию к укрупнению хозяйств, занимающихся сельскохозяйственным производством, как характерную черту развития постиндустриальных стран. Поэтому в перестроечные годы отец предостерегает от абсолютизации значения фермерства, кривая которого на Западе в количественном отношении неуклонно падает. Он призывает поддерживать все жизнеспособные формы производства сельскохозяйственной продукции: и фермерство, и реформированные коллективные хозяйства, не привнося в этот вопрос политических аргументов, а основываясь лишь на реальных результатах. Его статьи содержат и конкретные фактические данные, касающиеся финансовой поддержки сферы сельского хозяйства из общегосударственного бюджета правительствами наиболее развитых стран мира. Большое внимание уделяется им проблеме экологии, путям и формам преодоления экологического кризиса. Сознывая, как много предстоит в этом отношении сделать, отец вместе с тем верил в экологический ренессанс планеты. Как пример возмещения природе своих долгов он приводил факт очищения крайне загрязненных вод Рейна, превращенного при Г. Коле в одну из самых чистых рек Европы. Немало конкретных предложений имелось у него и по улучшению экологической обстановки в Белоруссии. Если перейти от теории к практике, можно сослаться на факт спасения зеленого массива в районе бывшей Болотной станции в Минске, на месте которого должен был быть построен стадион. Именно усилия отца сыграли решающую роль в сохранении парка.

Со временем Скоропанов начинает восприниматься как один из патриархов белорусской науки. Он был в числе приглашенных на встречу с американским президентом Б. Клинтон, посетившим белорусскую Академию наук, в связи с 85-летием удостоен медали им. Скорины, **в 1997 г.** стал академиком Международной академии управления (Париж). Личность отца привлекает внимание газетчиков, радио- и тележурналистов, которые берут у него интервью, пишут о нем очерки, посвящают ему передачи. Часто приглашают его и на встречи ветеранов. В таком случае отец надевал «парадный» пиджак с орденами и медалями, весивший не меньше рыцарских лат. Несмотря на годы, он оставался бодрым и неутомимым.

В условиях политического разброда отец выступал за гражданский мир, национальное согласие, коалиционный плюрализм политических партий, выражающих интересы различных социальных групп. Свое место среди них, по его представлению, должна была занять и детализированная, реформированная коммунистическая партия Белоруссии. Предполагалось, что свои усилия она сосредоточит на вопросах социальной защиты населения. Раскол в этих рядах отец осуждал, так как сам за годы жизни привык быть интегрирующим началом, объединяющим людей. Его толерантность, терпимость общеизвестны.

Все без исключения, сколько-нибудь близко знавшие отца, отмечали, что им не приходилось слышать от него дурных отзывов о других людях. Речь могла идти лишь о тех или иных поступках, а не о самих людях. А вот на комплименты, особенно женщинам, отец не скупился. Одна знакомая даже заявила мужу: «Ты мной вечно недоволен, а вот Скоропанов всегда мной восхищается».

За всем этим стоит большая человеческая мудрость, накопленная за жизнь. Отцу приятно было сказать человеку что-то хорошее, чем-то порадовать другого, и комплимент для того был лишь подходящей ритуальной формой. Оказавшись долгожителем, из своего возраста Степан Гордеевич смотрел на склоки, интриги, неблагодарность как бы из вечности, как на глупые игры неразумных детей, а потому многое прощал людям.

Отец пережил друзей своей молодости. Но круг его общения и на склоне лет не сужается, а наоборот – расширяется. Самые близкие отношения сложились у отца с академиком М. М. Северневым. Проблемы Михаила Максимовича он воспринимал как свои собственные и в свою очередь знал, что во всем может рассчитывать на него. Вместе работали, вместе и отдыхали, и если Севернев несколько дней не звонил, отец начинал беспокоиться.

И все-таки главной опорой в жизни для Степана Гордеевича была жена – Дарья Федоровна Короткова-Скоропанова. Случайное знакомство в одном из московских кинотеатров перед самой войной, столь же случайно-волшебная встреча на фронте, где мама была полевым хирургом, привели к браку, который увенчался рождением троих детей и продлился 52 года. По своим способностям мама не уступала отцу и вполне могла бы стать со временем вторым Амосовым. Но она многим пожертвовала ради семьи, и отец всегда подчеркивал, что в его успехах половина заслуг принадлежит ей. На маме держался весь дом, и хотя она тоже работала – все успевала. Так что за свой «тыл» отец всегда мог быть спокоен. Кроме того, как профессиональный врач мама поддерживала его здоровье в порядке. Отец преклонялся перед ней, на все праздники, а нередко и в будни дарил цветы, ежевечерне перед сном пересказывал ей весь свой день. Со смертью мамы он просто осиротел.

Физические силы постепенно оставляли отца, но он не хотел быть обузой, по мере сил старался все делать сам.

Несмотря на преклонный возраст, Степан Гордеевич отнюдь не выглядел дряхлым старцем – он был стройным, элегантным, красивым. В транспорте ему далеко не всегда уступали место, принимая, очевидно, просто за пожилого человека. А один ветеран перед дверью врача попросил: «Я думаю, Вы меня пропустите без очереди – мне уже 70 лет». Ему в голову не пришло, что отец почти на двадцать лет старше. Он не просто хорошо сохранился – какой-то дух неуспокоенности молодил его изнутри. Бравшая интервью журналистка Егорова поразилась тому, что человек, которому под девяносто, каждый день ходит на работу и так много печатается. Именно в работе он спасался от тоски по умершей жене. Интеллект отца оставался таким же плодотворным, как и в прежние годы. До последней минуты он работал над новой монографией, которую так и не успел завершить. С подзаголовком «фрагменты книги» она вышла уже после его смерти.

Ирина и Юрий Скоропановы